

ФИЗИКА И МОРАЛЬ

Мужество — стойкость в исполнении должного.

Платон

Не в силе Бог, а в правде.

Александр Невский

Arcus nimium tensus rumpitur¹.

Лат. поговорка

Нам привычны выражения, в которых заходит речь про людей, *крепких* духом, или, наоборот, проявляющих *слабость* характера. *Сила* воли обычно истолковывается как способность человека властвовать над самим собой, быть выше своих физиологических проявлений. О ком-то говорят, что он *тяжёл* на подъём (значит, ему трудно подвигнуть себя на какие бы то ни было занятия). О другом — что он человек *скользкий*. И мы догадываемся, что это человек ненадёжный, увёртливый, способный на подлость. А слово *отщепенец* — разве не живым наглядным образом демонстрирует отрыв кого-то от родных-окружающих, его коварность и неблагодарность? Известно, как хорошо, когда взаимоотношения между родными, соседями или коллегами выстраиваются в *лад*. Не менее известно, что подчас имеет место *подавление-игнорирование* одними людьми других. Спортивный комментатор может сказать: «“Спартак” *посыпался*», «“Анжи” *сдулся*» — и у слушателей-болельщиков не возникнет вопросов о происходящем на футбольном поле. Вряд ли кто-то недоумевает, встречая выражения типа «*проявлять жёсткость*», «*быть гибким*», «*преодолеть инерционность*», «*колебаться в выборе*», «*оказать тёплый приём*», «*остудить пыл*» и многие другие им подобные. То есть в целом между нравственными и физическими явлениями можно усматривать не просто сравнения, ассоциативную связь, но и куда более глубокие соответствия, на уровне онтологических соотношений, закономерностей. В порядке вещей, когда говорят или пишут об *орбите* влияния, о *фокусе* внимания, о чьей-то *притягательности*. Можно было бы долго перечислять слова, за которыми стоит прежде всего физический смысл, но которые привычно используются для обозначения нравственно значимых сюжетов:

бросить (1. семью, 2. какое бы то ни было привычное занятие, допустим, выпивку или курение),

взвинчиваться (возбуждать себя, часто попусту),

взорваться (не сдержат негодования, выразить его в резкой форме),

влипнуть (встрять в неприглядные обстоятельства),

волочиться (вяло ухаживать за предметом воздыханий),

заколебать (разг. = утомить, вывести из терпения),

казнить (корить себя за реальный или вымышленный проступок),

капать на мозги (разг. = занудно и надоедливо твердить одно и то же),

катить / или *не катить* (так иной раз говорят про складывающиеся благоприятные / или препятствующие обстоятельства),

кинуть компаньона (разг., вульг. = обмануть),

кипеть гневом (сильно возмущаться),

кипятиться (волноваться, сердиться),

комкать (спешно и небрежно заканчивать какое-то дело),

копать под кого (разг. = пытаться кого-то скомпрометировать),

¹ Лат. = Чересчур натянутая струна лопается.

копаться (медлить),
копаться в грязном белье (вести пересуды, разбирать чьи-то действительные или мнимые промахи),
корчить из себя (высокомерничать),
крепиться (изо всех сил стараться сдержать себя в руках),
крушить (с силой разбивать что-то на части, ломать),
надуться (обидеться, нахмуриться, часто излишне сильно),
накостылять (разг. = поколотить кого-то),
не кантовать (разг. = не тревожить, не выводить из состояния спокойствия и безмятежности),
небо коптить (вести пустой и бесполезный для себя и окружающих образ жизни),
обгореть (подвергнуться солнечному ожогу),
пилить (чаще всего о жене, которая проявляет себя по отношению к мужу в безудержной критике, укоряюще, бранчливо),
погореть (на чём-то, разг. = потерпеть неудачу, чаще в не слишком благопристойном деле),
подавлять (сопротивление, или кого-то своим авторитетом) (насильственно прекращать чьё-то недовольство, игнорируя интересы и мнения несогласных),
подмазываться (лестью и заискиванием добиваться расположения),
подставить (да и менее арготизированное «подвести» — тоже физический смысл) (разг. = навредить, заставить кого-то *выкручиваться*, (и тут физическая параллель!) (= спастись) из неожиданно возникших неблагоприятных обстоятельств),
порвать отношения (резко прекратить общаться),
прокатить на выборах (оставить не у дел кандидата на избрание),
пропесочивать (разг. = подвергать *жёсткой* — снова физика! — критике),
путаться (1. блуждать в поисках верного пути, 2. вмешиваться в чьи-то дела, 3. общаться с кем-то осуждаемым),
распекать (укорять),
склонять (уговаривать; воздействовать, призывая к согласию),
сломаться (не выдержать испытаний, поддаться искушению),
смыться (разг. = неожиданно исчезнуть),
тормозить (мешать, препятствовать),
улетучиться (незаметно скрыться),

щуметь (бестолково выяснять отношения, обсуждая что бы то ни было; изображать видимость активности). Понятно, что список даётся очень беглый и открытый. Выражение «*метать громы и молнии*» (в смысле: проявлять недовольство) мы не адресуем кому-то мелкому, незначительному, жалкому. И, напротив, «*трещать без умолку*» (безостановочно говорить) вряд ли будет кто-то значительный, авторитетный.

Причем, нетрудно заметить, что пока назывались только глаголы. А ведь есть ещё, например, существительные — типа таких: *встряска, выверт, гармония, гнёт, контакт (неконтакт), падение, подавление, подавленность, подъём, перехлёст, равновесие, резонанс, скованность, стойкость, упадничество*, физический и межчеловеческий смысл которых донельзя прозрачен. Столь же понятны, в общем, такие вульгарные словечки, как *закидон, наезд, облом, откат, кидала*¹. Посейчас отзывается эхом произошедший в России несколько веков назад религиозный раскол. Обширен и ряд прилагательных,

¹ На всякий случай, впрочем, можно и привести их значения: *закидон* = чудачество, *наезд* = угроза со стороны криминальных элементов, *облом* = неудача, разочарование, *откат* = нелегальное вознаграждение (обычно — определённый процент от выручки) тому, от кого зависит оформление сделки, *кидала* = мошенник, обманщик.

ведущих происхождение от физических явлений, но характеризующих события, значимые для этики. Вот только три-четыре из слов, смысловые корни которых не были названы выше: *ёмкий, колкий, пустой, трогательный*.

Какое-то событие (или же человека, учинившего что-то неприглядное) мы назовём *отталкивающим*. В последнем случае, можно сказать, наблюдается даже двойная ассоциация: *физическая* и *физиологическая*. Сюда же, по всей видимости, относятся обороты типа «*физически не переношу, когда мне врут*». Совсем не о химии думают, когда говорят: «*опять нахимичили*». Как бы то ни было, не будем пока замахиваться на раскрытие многомерных связей предмета этики с различными науками, попробуем всмотреться только в параллели предметов этики и физики. В этом отношении с уверенностью можно полагать, что ведущие термины физики очень полезно осмыслить применительно к сфере нравственно-ценностных взаимоотношений. Тем самым этика обретёт больше онтологической глубины и основательности. Возможно, кто-то, пока ещё проявляющий недоверие к терминам типа *добро, зло, отзывчивость, подлость*, — сможет, наконец, включиться в этическое смысловое поле. Ведь ясно, что науки, изучающие мир, всматриваются в него, так сказать, перекрёстно. Одни и те же объекты предстают перед разными науками под разным углом. Математику интересуют структурно-количественные вопросы, историю — причинно-следственные, физику — вещественно-энергетические процессы, экономику — соотношение ресурсов и выгоды. Есть свой специфический ракурс и у этики. Так, один и тот же объект, рассмотренный, допустим, математикой, физикой, химией, можно изготовить самостоятельно, можно украсть, можно подарить, отнять, выменять, можно насильно вручить. Для этики значимы перебор и сопоставление именно последних вариантов, а не размеры — вес, химический состав, не дата изготовления, цена-сорт. И не беда, что единиц измерения в этике пока не изобретено. История тоже пока обходится без единиц измерения, но очень даже существует и активно осмысливается. И в филологии, насколько мне известно, основные поиски и обретения основываются вовсе не на арифметическом подсчёте букв или знаков препинания, не на формулах-коэффициентах.

Повторим, этика рассматривает мир, взятый в ракурсе межсубъектных взаимоотношений. А это предполагает исследование того, как эти отношения развиваются — гуманно / негуманно, открыто / подковёрно, справедливо / несправедливо. И поскольку таковые отношения складываются не стихийно, но усилиями взаимодействующих субъектов (индивидов, групп, больших общностей), то для этики важно как действуют эти субъекты — честно / нечестно, ответственно / безответственно, справедливо / предвзято. Это — о сути. Её будем держать в голове, а рассуждать попытаемся через призму сравнения данной *сути* с тем, что видит в окружающей действительности физика. И вновь нужно подчеркнуть пользу подобного рассмотрения хотя бы тем, что в области физических процессов наукой и технологией давно достигнуты большие успехи, позволяющие людям заниматься очищением нефти, возгонкой газа, вымыванием полезных ископаемых из добываемой руды. Тогда как в социальной сфере *сепарация* происходит, прямо скажем, на удивление кустарно. Не буду приводить исторических примеров или делиться личными наблюдениями. Просто применительно к теме социальной сепарации процитирую полушутливый-полускандалный ЗАКОН АЙМХОФФА: «Структура любой бюрократической системы очень напоминает камеру канализационного отстойника — по настоящему смачные куски всегда всплывают» [7. С. 359]. Да и с сопроматом сравнение для этики оказывается сколь оправданным, столь и поучительным. Ведь нравственный субъект — это особого рода «сплав», который ведёт себя по-разному в зависимости от сочетания составных компонентов и от обстоятельств. Нравственно-психологические качества испытываются на крепость в течение всей жизни индивидов, групп и сообществ.

Причём у кого-то в результате пережитых напряжений происходит закалка, а у кого-то — срыв, поломка, отказ. И причины поломок сходны с сугубо технологическими — усталость, слабость, несоответствие «изделия» обстоятельствам. Строгости ради и в интересах гуманитарного развития человеческой культуры следовало бы всемерно обстоятельно рассмотреть то, какие нравственно-психологические черты нужно отнести к универсально необходимым, какие — к специфическим (актуализируемым гендерными, профессиональными, социокультурными ролями), какими способами данные качества наилучше всего формируются, чем могут быть в случае нужды компенсиремы.

Прежде всего стоило бы провести своего рода инвентаризацию *состояний* нравственного субъекта. Ведь про физические тела известно, что они могут находиться в нескольких основных агрегатных состояниях — твёрдом, жидком, газообразном. Видимо, и для человека какие-то вполне определённые ситуации предполагают, что он должен быть готов проявить жёсткость, другие — требуют от него гибкости, способности подстраиваться под условия и под окружение. Кстати, ряд: твёрдое, жидкое, газообразное — недостаточен. Дело не только в том, что есть вещества разной степени твёрдости, вязкости и летучести. Существуют и переходные формы: суспензии, эмульсии, аэрозоли. Очевидно, и в типологии человеческих состояний нужно ждать достаточной дробности. В качестве наглядной иллюстрации нравственной многовариантности можно было бы назвать естественные состояния, переживаемые и выражаемые спортсменами: торжество в случае победы / досада при проигрыше, индивидуальная и коллективная гордость / личный или командный позор при успешном или неудачном отдельном фрагменте состязания, поддержка / осуждение, несогласие, миролюбие / агрессия, соперничество / взаимопомощь, благодарность / обида и пр. Несомненно, особого интереса и уважения заслуживают состояния творчества, любви, взаимной заботы, коллективного ликования. Тогда как переживания типа злорадства, зависти, жадности явно разрушают и индивида, и ткань межличностных отношений. Сугубо важно разобраться в механизмах произвольного переключения человеком своих состояний. Ведь ясно же, что принципиально не могут совпадать отношения спортсмена к заботливому и требовательному тренеру, к старательному напарнику по команде, к сопернику-нарушителю правил, или к массажисту, который предлагает тайком использовать допинг. Ясно и то, что бокс, фехтование, шахматные ристалища — предполагающие жёсткое противостояние сопернику — вовсе не должны продолжаться в быту, в семье, на улице. Равно как соседские, приятельские, родственные отношения на время спортивного состязания должны быть отставлены, чтобы не отвлекать от соревновательных целей.

Итак, для нравственных субъектов — индивидов или групп — характерен вполне определённый набор характеристик. Подобно физическому телу, которому свойственны объём, плотность, температура, масса, прочность и т. п., субъекту присущ набор нравственно-психологических свойств, которые он проявляет в своих взаимоотношениях с окружающими. Среди таковых свойств прежде всего следует назвать разумность, отзывчивость, ответственность, справедливость. Кроме того, этику интересуют такие человеческие качества, как принципиальность и терпимость, благодарность, самообладание, мужество. Каждая из данных характеристик, как было указано выше, самой жизнью проверяется на *устойчивость*, *нравственную крепость*, которая не получается субъектом в готовом виде, а обретается и закаляется при взаимодействиях с окружающим миром. «Был бы сам хорош, так люди бы не испортили» — гласит русская пословица. Однако следует отдавать себе отчёт, что устойчивость не всегда позитивна. Ведь можно быть упорным и в добре, и в зле. Существуют упорство — и упрямство, принципиальность — и принципиальничанье, целеустремлённость — и фанатизм.

В любом случае испытанию на прочность подвергаются как отдельные субъекты и различные их общности, так и взаимоотношения между ними. Рождаются и распадаются семьи, творческие коллективы, государства. Где-то можно встретить социальную рекламу: «ПЕРЕГРУЖАЯ ЛОДКУ, ВЫ РИСКУЕТЕ ЖИЗНЬЮ И ИМУЩЕСТВОМ». Очевидно, эта мысль очень справедлива и для груза знаний, переживаний, для энергетических затрат всякого субъекта. И к обобщённой характеристике *прочности* следовало бы прибавить такие уточняющие свойства, как плавучесть, крепость, свидетельствующие о способности того или иного субъекта выдерживать различные воздействия, не разрушаясь. Физическому свойству прочности соответствуют такие нравственные качества, как выдержка, мужество, принципиальность. Парой, дополняющей *прочность*, в этическом измерении выступает *гибкость* — пластичность, покладистость, уступчивость, уживчивость. Только вместе они способны обеспечить субъекту не только выживаемость, но и человечески достойный уровень этой выживаемости.

В сфере, изучаемой этикой, существуют реальные *перегрузки*. Вряд ли есть необходимость как-то иначе именовать *напряжения*, которые приходится переживать людям по поводу сложных житейских коллизий. Когда нам приходится выдерживать испытание на прочность, нравственную целостность, да и попросту на физическое здоровье. Разве можно отыскать хоть одного человека, который бы не проходил испытания нуждой, несправедливостью, унижениями, недоверием, ложными оговорами! Кстати, подобные напряжения возникают не только в ответ на негативные обстоятельства (к уже названным можно бы прибавить ещё зависть и равнодушие окружающих). Неспроста уже в библейские времена было ясно, что существуют испытания не только водой, огнём, но и медными трубами. То есть — удачей, почётом, славой, достатком.

Мне уже доводилось высказывать своё мнение о том, что со временем теоретики и практики — психологи, физиологи, педагоги, этики, юристы — сообща разработают систему «*нравственных прививок*» по образу и подобию тех, какими обеспечивается профилактика полиомиелита, кори или оспы. Только здесь дело будет заключаться не в уколах или надрезах, а в продуманной системе ситуаций, способных расширить нравственно-психологический опыт растущего человека. Чтобы под присмотром заботливых, знающих взрослых у детей вырабатывался иммунитет против различных невзгод и испытаний — обмана, обид, искушений. Подобные «прививки» могли бы содействовать развитию устойчивости человека к подкупу и угрозам, лести и грубости, зависти и злорадству. «Прививки» славой, деньгами, недостатком внимания (или тех же денег) — разве не избавили бы человечество от многих и многих разочарований, преступлений, трагедий! Конечно, трудно сразу предложить перечень «нравственных хворей», по которым для всех времён и народов были бы призваны полезными нравственно-психологические прививки. И всё же разве не «напрашиваются» на то, чтобы их включили в число первоочередных номинантов пресловутые высокомерие, жадность, своекорыстие, подлость, трусость, лживость, распущенность, продажность, желание жить за чужой счёт! Или же уныние, зависть, жестокосердие, злорадство, зависть — разве не замечательно было бы этими недугами «переболеть» однажды в детстве, чтобы распрощаться с ними уже навсегда! [8]. В рамках нынешнего рассуждения более корректно было бы вести речь, вероятно, не о прививке, а о закалке. Но суть от этого не меняется. ПРЕДУСМОТРЕВ — ПРЕДОТВРАТИТЬ.

По всей видимости, есть прямые основания сопоставлять физическую массу тела, допустим, с нравственным авторитетом. А о нравственном *потенциале* — и вообще можно говорить прямо: о *ресурсах*, о *крепости*, о *пределах* выдержки, терпимости, отзывчивости, воли. Нравственный опыт как результирующее слагаемое знаний, переживаний, умений срабатывает в конкретных жизненных ситуациях не непосредственно,

а помноженный на интерес, примерно как мощность какого-нибудь двигателя, помноженная на его КПД. *Трещина* — она и во взаимоотношениях трещина. «Трещина остаётся трещиной, как бы вы ни старались заделать её», — писал Махатма Ганди [6. С. 151].

При резкой перемене жизненных обстоятельств, пожалуй, можно говорить о «*кессонном эффекте*», то есть своего рода социальной дезадаптации, глубоком душевном дискомфорте. Впрочем, возможны тут и более тонкие ассоциации. Так, про философию справедливо говорят, что она трудна для понимания. Вместе с тем итоговые сентенции мыслителей нередко могут показаться довольно тривиальными. А. Д. Власов эту кажущуюся простоту рассуждений сравнил с медленной осторожной походкой горовосходителей. Ведь они «ведут себя не как мужчины в расцвете сил, а как дряхлые, еле передвигающие ноги старики. Но там, в горах, в заоблачной высоте и в разреженном воздухе философских абстракций, элементарные движения даются с бльшим трудом, чем виртуозные гимнастические трюки на уровне моря. Там, в заоблачных высотах философии, люди теряют присущую им силу и гибкость ума, и даже простые истины постигаются ими с таким невероятным трудом, как будто их воспринимают умственно неполноценные создания» [4. С. 4–5]. Между прочим, не мешало бы сопоставить занятия интеллектуальным трудом и с нырянием на большую глубину.

Идём дальше. *Нагревание / охлаждение, кипение / замерзание, давление / вакуум, отражение, инерция, действие / противодействие, ускорение, торможение, трение, унисон¹, диапазон, контакт, искрение, преломление лучей при переходе из одной среды в другую, даже взрыв* (резкое высвобождение энергии) — всё это вполне наблюдаемо в пространстве межсубъектных отношений. Действительно, разве нельзя говорить о *критической массе* применительно к количеству добрых или недобрых слов, адресованных живому человеку?

Примечательно, что сравнение физических явлений с сюжетами гуманитарно значимыми возможно, так сказать, в две стороны. Помимо той логики, в какой разворачивается данный текст, допустима обратная. В книге архиепископа Луки можно, в частности, прочитать следующее: «Остроумными опытами Стеле показал, что металлам присуща “усталость”, что после “отдыха” эта усталость проходит, что на них действуют раздражающе, угнетающе ядовитые вещества» [5. С. 44].

Возвратимся же к нашим рассуждениям. Упомянем теперь оптические эффекты. Например, свет. В давних традициях рассуждений о человеческих характерах использовать такие характеристики, как *свет, лучезарность*, или, напротив, *тьма, тень, мрак*.

«Выводит на свет тень смертную» [Иов. 12: 22],

«Свет сияет на праведника» [Пс. 96: 11],

«Наставление — свет» [Пр. 6: 23],

«Как свет, правда его» [Ис. 62: 1],

«Стезя праведных — как светило лучезарное» [Пр. 4: 18],

«Вы — свет мира» [Мф. 5: 14],

«Да будете сынами света» [Иоан. 12: 36],

«Вперёд ли пройти тени» [4 Цар. 20: 9],

«Обратит его в тень смерти» [Иер. 13: 16],

«Им приготовлен мрак вечный» [2 Пет. 2: 17],

«Делают дела свои во мраке» [Ис. 29: 15]. А даже такие утвердившиеся и находящиеся в широком ходу понятия, как «просвещение», «просветитель», «культпросветучреждения», «теневая экономика» — разве не о важности оптики для человеческой

¹ Говорим же мы про гармонию / дисгармонию, резонанс. А как точно и выразительно звучит слово «подпевала»!

культуры свидетельствуют! И приятно в этой связи читать такую мысль классика: «Нравственный свет никогда, даже в самые трудные и тяжёлые времена, не угасал в русском народе» [цит. по: 18. С. 216]. Хотя — какой народ себя сочтёт непросвещённым, мрачным!

Когда мы вспоминали выше про состояния физических тел, и сравнивали состояния нравственных субъектов, то за обсуждением не учли ещё очень важную характеристику, касающуюся *движения*. Ведь физическое тело может пребывать в состоянии покоя или движения. Предельно упрощая вопрос, назовём движение равномерное и ускоренное (насколько помнится из курса физики, положительное ускорение соответствует разгону, а отрицательное — торможению). Вдобавок к тому — различают движение *прямолинейное, колебательное и вращательное* (с подразновидностями: центрифуга и волчок). Да и прямолинейное движение тоже может быть *равномерным, ускоренным, замедленным, пульсирующим*. Двигаться можно, *поднимаясь* — и *спускаясь*. Вон сколько разновидностей движения! И каждая из них имеет аналоги в той сфере, которая охватывается понятиями «культура» и «этика». Рассуждение о движении в сфере культуры могло бы стать предметом интереснейшего самостоятельного исследования, сочетающего элементы исторического, физического, эстетического, этического подходов. Ограничимся буквально двумя-тремя почти хрестоматийными примерами:

«Под лежащий камень вода не течёт» (русская пословица).

«Не будем здесь искать покоя, чтобы там — на небе обрести его» (Иоанн Златоуст [3. С. 117]).

«Понять лучшее — это уже работать над его осуществлением» (Ж. Гюйо [16. С. 524]).

В целом, можно видеть, уже вырисовывается богатая панорама *физических смыслов*, стоящих за нравственными явлениями. И если физическое тело удаётся вполне точно и даже однозначно описать, характеризуя его объём, массу, агрегатное состояние, температуру, давление, цвет, запах, параметры движения, то можно полагать, что и этике под силу создавать «моментальные снимки» интересующих её объектов. Другое дело, что этике очень далеко до той выверенности и взаимной согласованности единиц, которые присущи миру физических явлений. Однако стремиться к тому, чтобы нравственно значимые явления описывались с максимальными объективностью и чёткостью, конечно же, нужно. И делать это следует, используя набор нравственно-психологических характеристик, которые схватывают самые главные параметры межсубъектных взаимоотношений — отзывчивость, вдумчивость, ответственность, готовность добиваться поставленной цели, соотносить её с интересами окружающих, способность к нравственной рефлексии и этическому оцениванию происходящего. Причём описание, характеристика, измерение в этике нужны не сами по себе, а для возможно лучшего понимания происходящего, и ещё лучше — если для управления этим происходящим.

И что особо важно, придётся учитывать, что к управлению происходящим, к выстраиванию взаимоотношений могут стремиться очень разные люди с совершенно различными целями. От матери Терезы — и до различных геростратов и пол потов. Так или иначе, предмет науки физики тут в корне отличается от предмета науки этики. Ведь физические тела, в отличие от субъектов, не обладают ни разумом, ни чувственным восприятием, ни совестью. Потому-то физическое равновесие принципиально отличается от равновесия в межчеловеческих взаимоотношениях — в последнем случае мы вправе чьи-то усилия или бездействие подвергать нравственной оценке, а затем и воздаянию: благодарности / укоризне, награде / наказанию, почёту / позору. Тающую под лучами весеннего солнца сосульку мы не будем ни хвалить, ни бранить. Тогда как человека, падкого до лести или поступающего принципами за взятку, — мы вправе

укорять или даже наказывать. Это для физических объектов нетрудно выстраивать диаграммы состояний, чтобы проследить условия перехода из одной характеристики в другую. Допустим, следя за изменением температуры воды, мы можем предвидеть, когда она превратится в лёд, а когда — в пар. И среди прочего — когда есть риск, что нагреваемый и охлаждаемый пар сорвёт крышку с котла. Увеличивая или уменьшая углеродистое состояние стали — металлурги добиваются диктуемых технологическими условиями её качеств. Разновариантными процессами закалки — обеспечивают повышение крепости материала, однако при этом возникает опасность, что увеличится и хрупкость. Можно полагать, со временем в рамках этики окажется вполне реальным выстраивать диаграммы состояний человеческих типов и отдельных индивидов (сильных и слабых, «заострённых» на различные ценности), что поможет предсказать риски «отказов» (например, при пороговом значении силы искушения у кого-то произойдёт соращение, а у кого-то — нервный срыв). Понятно, что в случае с людьми — существами многомерными, свободными, непредсказуемыми — никогда не будет достигнута такая надёжность предсказаний, как относительно катящегося по ровной плоскости колеса, или испытывающего нагрузку кронштейна, или разогреваемого котла. Но общие тенденции, рамочные характеристики возможных перемен, главных рисков, перечень альтернатив этика призвана обозначить. Скажем, ответственно ли поведёт себя человек в известных условиях, или безответственно; гуманно — или жестоко; будет действовать старательно или наплеватьски; эгоистично или альтруистично и так далее. Отдельной темой исследований и особых выводов должна бы стать проблема «нравственных изотопов».

В самом деле, поскольку человеку как нравственному субъекту свойственна многомерность, в силу этого оказывается неизбежным, что люди, имеющие одни и те же конкретные нравственно-психологические качества, в других отношениях будут очень сильно различаться. *Щедрый* человек может быть умён — и не очень. *Доброжелательный* — активен или нерешителен. *Исполнительность* может привести человека и в герои труда, и в «шестёрки» при криминальном авторитете. Личность *волевая*, любящая власть может оказаться воспитательницей детского садика, спортивным тренером, депутатом, вором в законе. *Наблюдательный, пытливый* человек может прийти в науку, может — в следственные органы, а может — сделаться доносчиком. *Бескорыстный интерес* к химии кого-то приведёт в исследовательскую лабораторию, кого-то в теневые структуры наркобизнеса. *Мастер в своём деле* может стать заботливым наставником молодёжи, а может «сводить со света» конкурентов. Где-то у Мариенгофа описан герой, который воскликнул: «Голод в Поволжье — какая прекрасная коммерческая перспектива!» — и ведь это восклицание, в сущности, для данного типа далеко не случайно. Равно как далеко не случайно то, как складывался жизненный путь, скажем, Антона Павловича Чехова или Махатмы Ганди. Для понимания многомерной матрицы нравственно-психологических изотопов полезно будет рассмотреть и описать типы услужливого дурака, да и вообще самых разных дураков — в их противопоставлении людям умным и так называемым «умникам». Типы людей трезвых и хладнокровных — до равнодушия; отзывчивых — до болезненной сентиментальности; слабовольных / волевых и целенаправленных — до фанатичной ослеплённости.

Изучая свой ракурс мира, именно этика призвана всматриваться в то, каковы наиболее существенные условия, при которых тот или иной тип личности может направлять все свои главные силы на творчество, при какой сумме обстоятельств он же займётся подрывной деятельностью, а когда — попросту подвергнется порче и ускоренной социокультурной *аннигиляции*, никак себя не реализовав. При каких условиях испытание страданием содействует нравственному очищению, а при каких — перерождает

человека, ломает его, губит духовно и физически. При каких наказание умудряет, а при каких — озлобляет. При каких помощь поддерживает, а при каких — развращает. При каких доверие вдохновляет, а при каких — искушает. Кстати, очень примечательные рассуждения приводятся в предисловии к сборнику стихов Аполлона Григорьева. Б. Костельянц, в частности, пишет там следующее: «У Даля “страдать” — “биться”, бороться, бедовать, мучиться, маяться, терпеть боль, скорбеть, тосковать, болеть душою» и т. д. Там же как одно из значений: «усильно трудиться, работать». Отсюда и «страда». [...] Не то в словаре Ушакова, отразившем современное значение слова. Теперь страдать означает прежде всего «мучиться, испытывать страдания, тяжёлые, неприятные ощущения от боли (физической или духовной)». [...] В конце прошлого <с учётом года публикации книги — уже позапрошлого. — А. З.> века, в особенности у Надсона, это слово приобрело болезненно-пошловатый оттенок и стало выражением бессилья, а не силы. Но ведь существует в русской поэзии — справедливо подчёркивает автор предисловия, — и иная традиция. Поставив рядом страдание и мысль, как две формы действенного проявления человеческих жизненных сил, сказав «я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», Пушкин, казалось бы, самое понятие страдания оградил от пошлых истолкований в духе пассивного жертвенничества» [7. С. 30–31]. То есть, если выше был обозначен сюжет нравственно-психологических прививок, дополнительно к нему следовало бы как следует осмыслить тему *естественных и искусственно создаваемых испытаний*, которые единственно и позволяют человеку как можно более полно раскрыться, не дают ему стать ни неудачником-нытиком, ни верхоглядом-зазнайкой. Ну, про испытания водой, огнём, медными трубами и про нравственные прививки выше уже писалось. Здесь только стоило добавить-уточнить, что одной из стержневых составляющих жизни можно считать череду испытаний. Испытаний, которым подвергается сам субъект и которым он вольно или невольно подвергает окружающих.

Вспоминается случай. Троллейбус идёт по Невскому проспекту. На задней площадке звучит невольно подслушанный диалог молодого милиционера (именно милиционера: это было ещё до реформы) и его спутницы. Троллейбус переезжает через Аничков мост, спутница сообщает:

— Вчера звонил твой Валера, приглашал в кафе.

— Ну, а ты?

— А что я? Сказала, что только вышла из ванной. Голова не высохла.

— А если бы не из ванной? — допытывается спутник.

— Ну, я усталая была вообще.

— А если бы не усталая? — припирает к стенке. Недаром, что милиционер. Спутница, похоже, поняла, что от неё требуется:

— Ну, я ведь твоя девушка, а не его!

Хочется верить, что впредь никакие Валеры (или Валерии) этим двоим не страшны.

Ясное дело, никакая наука не в состоянии заранее представить себе и учесть реальную бесконечную разновариантность возможных сложностей и искусов, которые встретятся человеку на протяжении жизни. Но ведь в технике имеется богатейший опыт подготовки автомобилей, летательных аппаратов, стиральных машин, мобильных телефонов к реальной практике, с перепадом температур, электрического напряжения, возможными механическими воздействиями, наконец к пользователям с невысоким интеллектуальным уровнем. Следовало бы с максимальным уважением воспринять практики, выработанные в разных религиозных традициях. Например, пост и молитву, которые призваны дисциплинировать, укреплять волю и разум верующего человека. Ведь типичные испытания таки можно предусмотреть. Д. С. Лихачёв, не по чужим рассказам знавший ужасы ленинградской блокады, с пониманием писал: «Я думаю, что

подлинная жизнь — это голод, всё остальное мираж. В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные беспримерные герои, другие — злодеи, мерзавцы, убийцы, людоеды. Середины не было» [11. С. 341–342]. И чуть далее: «Только умирающий от голода живёт настоящей жизнью, может совершить величайшую подлость и величайшее самопожертвование, не боясь смерти. И мозг умирает последним: тогда, когда умерла совесть, страх, способность двигаться, чувствовать у одних и когда умер эгоизм, чувство самосохранения, трусость, боль — у других» [Там же. С. 344]. Без сомнения, та же порубежность возникает где-нибудь в окопе или в случае, когда тонет твой корабль. Причём, вот что интересно. Психолог В. А. Ананьев утверждал: «Если лягушку поместить в воду и медленно подогреть, лягушка сварится. Если лягушку бросить в кипяток, она успеет выпрыгнуть из него» [1. С. 57]. То есть тут очень важны не только значимость переживания, интенсивность испытания, но и временной + энергетический режим предъявления его субъекту. Губительными, нравственно разрушительными могут равно оказаться и голод, и сытость, дискомфорт и всемерные удобства, нищета и богатство, ненависть, любовь, ревность, равнодушие, безвестность и слава, бессилие и всевластие. Глубоко прав П. В. Корнеев, когда утверждает: «Даже сравнительно небольшие трудности могут оказаться непреодолимыми для того, кто не видит смысла в их преодолении. Вместе с тем — и здесь проявляется диалектика — выдержать испытания нужно и для того, чтобы придать своей жизни более весомую ценность и более глубокий смысл. В самом деле, жизненный опыт человека, выдержавшего сверхтрудные испытания, имеет особую ценность» [9. С. 293]. Результатом испытаний оказываются не только крепкий характер, не только выстроенные человеческие взаимоотношения, но и даже в значительной степени содержание наших голов. В одном из писем Аполлона Григорьева есть очень интересный пассаж: «Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, вымучившиеся до формул и определений» [7. С. 34].

Так или иначе, если нас интересует объективное изучение природы человека, выстраивающего взаимоотношения с другими людьми (ну, или если шире — изучение природы субъектов, выстраивающих взаимоотношения¹), раньше или позже мы выйдем на уровень понимания, соотносимый с наличием объективных законов. То есть, наиболее общих, фундаментальных и устойчивых причинно-следственных связей, наблюдаемых в интересующем нас смысловом пространстве. И поначалу мы как раз обнаружим, что этика пока таких законов не отыскала, или не сумела сформулировать. В самом деле, разве можно сравнить те сентенции, которые выдаются за моральный закон (допустим, Кантов «категорический императив») с теми формулировками, которые считаются законами в физике! Впрочем, возможно, даже и хорошо, что в этике нет таких однозначных формул, как закон Ома или формула Клапейрона. Ведь это только для одномерных существ выбор предельно прост: «Да / Нет», «Пай-деточка / Бяка», «Наши / Ненаши», «Герой / Злодей». Тогда как многомерность культуры и мо-

¹ Строго говоря, и оставаясь в рамках материалистического объяснения мира, мы вынуждены признать: рядом с нами живут люди, для кого реально существуют ангел-хранитель, Господь-Вседержитель, Иисус Христос, Богородица, существует и Сатана, — то есть, субъекты, с которыми эти живые люди всерьёз стараются выстроить как можно более устойчивые взаимоотношения, так, они сторонятся Сатаны, стараются угодить Богу-Отцу, Христу, Богородице. Если даже Бога нет, то в рамках религиозной традиции складываются вполне устойчивые взаимоотношения, материализованные в ритуалы, и подкрепляемые очень даже вещественными предметами почитания, святынями, храмами. Наконец, денежным оборотам церковью могут позавидовать многие политические организации и налоговые органы. Ведь добровольно граждане несут деньги скорее в храмы, чем в налоговую инспекцию. Это всё к тому, что религия очень даже материальна.

рали практически не предоставляет возможностей для таких тривиальных решений. Кстати, и физике известны иные варианты законов, выражающихся, например, в словесных выражениях. Допустим, закон преломления: «Луч света, переходя из одной среды в другую, изменяет направление». Причём этот закон вполне можно сопоставить с тем, что имеет место в сфере, за которую отвечает этика. Так называемый и обычно возбраняемый «Закон двойных стандартов» представляет собой не просто словесное клише, но и реально отражает имеющую место неодинаковость восприятия поступков в зависимости от того, кто их совершает. Хрестоматийный пример проявления этой неодинаковости мы помним со школьного курса литературы — он описан Чеховым в рассказе «Хамелеон». Хотя вовсе не обязательно себя и своих близких мы будем оценивать лучше, чем посторонних. Известна мысль Паскаля: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» [14. С. 374]. Эта мысль помогает понять, почему самокритичный субъект будет мягче оценивать чужие промахи, чем свои. То есть «преломление», «переход из среды в среду» имеет место и в восприятии мира грешником, и в восприятии мира праведником. Прежде чем продолжать рассуждать о законах, заметим, что не мешало бы обозначить основные ракурсы закона. В частности, каковы его:

СУБЪЕКТ — кто его задаёт, создаёт, предписывает, формулирует. Этот вопрос неслучаен. Ведь это только для атеиста и материалиста законы природы существуют объективно, независимо от чьей бы то ни было воли. Верующие люди крепко убеждены, что законы заданы природе и людям Богом. Есть и ещё более специфический взгляд. Например, Николай Сербский рассуждал так: в природе законов нет, там есть исключительно порядок и повторяемость. Законы даны только Богом — человеку. И эти законы — заповеди Моисея [20]. Более того, «Бог управляет природой и природными стихиями в зависимости от поведения людей» [Там же. С. 53]. Именно в наказание за разного рода бесчинства на людей через природу насылаются то смерчи, то наводнения, то неурожай. Не будем сейчас обсуждать эту точку зрения, запомним, что она имеет-ся. И, между прочим, её трудно с ходу опровергнуть. Какое-то время назад нередко в своих претензиях отдельные представители рода человеческого могли дойти до таких суждений, что именно человек разумный задаёт природе рамки и направление развития. В наши дни, думаю, осталось мало таких оптимистов. Где уж нам-людям до разумности природы!

ПРЕДМЕТ — на какую предметную область закон направлен. Речь здесь о том, какой ракурс природы обслуживается этим законом — пространство, время, энергия, информация, физика, химия, живая природа (биология, зоология), человеческое сообщество, какая-то отдельная область культуры (искусство, наука, религия, политика, техника, право, спорт, медицина, экономика и т. п.).

СФЕРА, которую он охватывает. Тут следует подчеркнуть, что бесконечный космос не гомогенен. Существуют множественные ракурсы, разделы природы и жизни, а стало быть, законы могут касаться динамики, оптики, электричества, ядерной физики; экономики разных формаций, отдельных жанров искусства, отдельных видов спорта, различных разделов медицины. Нетрудно заметить, что предмет и сфера — понятия, как бы перетекающие одно в другое. Подобно тому, как общефилософские категории «общее» и «частное». Планета, регион, отдельно взятый еловый лес, конкретная ель, иголка с этой ёлки — взаимосвязаны, но живут и развиваются по качественно различным законам. Так же, например, как система образования, конкретный вуз, факультет, кафедра, какой-нибудь соискатель, которые составляют собою нечто вроде матрёшки, где каждая «фигурка» зависит от своего уровня обстоятельств, да и жизненный цикл каждой «фигурки» протекает в разных ритмах.

ХАРАКТЕР — динамический ли это закон, или статистический. Предельно кратко показать различие между ними можно попытаться при помощи простого примера. Если человек, находясь в обычных земных условиях, подбрасывает кверху монетку, то она обязательно упадёт. Это динамический закон. А вот то, что примерно в половине случаев она будет падать на орла, а в оставшейся половине случаев — на решку, уже закон статистический. Для этики данное различие принципиально важно понимать. Ведь от того, существуют ли в пространстве межсубъектных отношений динамические законы, или только статистические, зависят коренным образом рамки свободы и ответственности. Законы динамические, как объясняется в «Новой философской энциклопедии», «позволяют по начальному состоянию системы точно предсказать её последующие состояния» [17. С. 36]. **Неужели кому-нибудь было бы приятно, чтобы другие люди могли стопроцентно предсказать-просчитать все его действия и состояния заранее!**

ФОРМА, в какой он задан: математически выверенная, либо словесно выраженная. Математические варианты приводились выше. Не мешало бы добавить ещё один:

$A + B = B + A$. **Означает эта общеизвестная формула арифметическую закономерность**, согласно которой от перестановки слагаемых сумма не меняется. Скорее всего, надо признать, что пока этика не готова предъявить человечеству подобные арифметически или алгебраически выверенные выражения. В лучшем случае это будут изречения типа «Каждому своё», или «Кто не работает, тот не ест». Ну — или будут повторяться Моисеевы заветы: «Почитай родителей», «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй», «Не завидуй». Нетрудно убедиться, что словесно выраженные законы труднее представить как всеобщие обязательные. Опыт обсуждения Десятословия со студентами РГПУ показывает: из года в год на протяжении двух десятков лет практически не бывает случаев, чтобы большая часть заповедей Моисея не подверглась бы логическим уточнениям, критическим ограничениям или опровержениям. И тем не менее, в ходе обсуждения всякий раз студенты приходят к пониманию, уже от противного, насколько названные нравственные императивы важны и безусловны. Запреты убийства, воровства, лжи, супружеских измен — берегают культуру, задают рамки, в которых человек способен состояться как человек.

В целом, можно не сомневаться, в пространстве межсубъектных отношений неуклонно действуют общие законы материалистической диалектики:

- единства и борьбы противоположностей;
- перехода количественных изменений в качественные;
- отрицания отрицания.

Любовь и ненависть, мужество и трусость, щедрость и скупость, эгоизм и альтруизм, счастье и мука не только противостоят друг другу, но и бытийствуют-то лишь благодаря существованию оппозиций. Накапливаемые нравственно значимые воздействия, повторяемые нравственно-психологические усилия формируют субъекта и позволяют реформатировать варианты взаимоотношений. Отрицание отрицания в мире, изучаемом этикой, — это, например, ситуации: «Кто на нас с мечом пойдёт, тот от меча и погибнет», «экспроприация экспроприаторов»... Это, наконец, возможность «смертию смерть поправить», многократно реализованная не только в Священном Писании, но и в массовом героизме на протяжении всей человеческой истории. Даже известная нам с детства формула «Жила много не нажилит» — на уровне, доступном дошколятам, — демонстрирует действие закона отрицания отрицания.

Мир морали, конечно же, многомерен. Но герой, подлец, труженик, лентяй остаются и воспринимаются таковыми даже в условиях закона преломления или закона двойных стандартов. Мы можем вспомнить, что Игнатия Лойолу, мужественно воевавшего, отчаянно сражавшегося и тяжело раненного, пощадили и вылечили его вчерашние

враги. Мы знаем, что даже атеисты в истории взаимоотношений Христа и Иуды увидят отношения Учителя и предателя. Третьего не дано. В главном свет и тень, добро и зло, ясны и безусловны. Как писал Альберт Швейцер: Добро состоит в сохранении жизни, её стимулировании и усилении, а зло — в уничтожении жизни, нанесении ей ущерба и создании препятствий на её пути» [19. С. 88]. Если же исходить из всего контекста философских рассуждений А. Швейцера [хотя бы 19; 20], то можно бы чуть уточнить: добро содействует жизни, вписывающей себя в природу и культуру, зло — препятствует им.

Закон — это существенное, необходимое, устойчивое в природе [13. С. 26]. И в тех случаях, когда люди нарушают законы общественные, они, строго говоря, переподчиняются законам более широким. Если какой бы то ни было человек, к примеру, встанет на четвереньки, то тем самым нисколько не нарушит законов природы. Просто опустится на какой-то дочеловеческий уровень. И автомобиль, в принципе, можно не заправлять горючим, а толкать по дороге. Тем самым, используя его не по тем «опциям», для которых он создан. Человек, можно надеяться, создан не только для ближайших и примитивнейших удовольствий. Если кто-то с уровня разума и совести переходит исключительно на уровень удовольствия — происходит приблизительно то же самое, что и в случае с четвереньками или с толкаемым автомобилем.

Известно, что факты бывают самыми разными. Факт может быть единичным, случайным, не укоренённым в ткань бытия. Закон — это даже не факт, укоренённый в бытие. Это, можно сказать, онтологические корни, из которых произрастают неслучайные факты. Люди испокон веков пытались за единичными фактами увидеть глубинные основания. И если речь шла не о движении светил, не о чередности сезонов или об агрегатных состояниях воды, а о способах человеческого бытия, то вставала задача сформулировать такие основные законы человеческого бытия, которые отличают нас от хождения на четвереньках и от клацанья зубами. Талион, в сущности, если и отличил нас от окружающих животных, то разве что оборотом речи, в который был облечён. А так — и в стаде коров, и в стае волков не подобает чересчур злобствовать, иначе тебя поставят на место сородичи. Сообщество же, построенное исключительно на основе закона борьбы всех против всех, вообще не имело бы шансов выжить. Это прекрасно обосновал В. П. Эфроимсон [22]. Беда этики в том, что замечательные мудрецы всех времён, великие провидцы призывали всех жить по-людски — тогда как многим призывы и не особо были нужны, поскольку они и без того старались жить по-человечески. А вот кто-то к подобным призывам оказывается принципиально глух. Более того, этот «глухой» мог бы даже заявить: «Живите по-людски, мне больше достанется!». Вот таким-то «глухим» нужны более весомые аргументы, нежели «Нагорная проповедь» или «Категорический императив». Если не дубинка или подзатыльник¹, то логика фактов, основанных на законе природы.

Тем, кто не боится ходить на четвереньках, надо бы прямо сказать: вы имеете право жить так, как вам угодно, но не ждите, что люди с вами будут общаться, как с себе подобными. В идеале, для начала следовало бы ждать, что появится по крайней мере коллективная монография наподобие книги «Красота и мозг» [10], в которой под эстетические суждения, феномены художественного переживания, моды оказались подведены психофизиологические основания. Красота, по логике коллектива авторов указанной книги, — это нечто не произвольно создаваемое человеком, она соприродна. То же самое должны бы проделать и этики — в содружестве с физиками, физиологами, космологами отыскать и сформулировать фундаментальные законы добра, совести, совместной разумной жизни. Тем самым удалось бы объяснить: законы морали — это не

¹ Кто там из античных философов наглядно доказал наличие движения — дубинкой?

то, чего хотелось бы пророкам, политикам или кому бы то ни было. Эти законы — самые что ни на есть необходимые условия для того, чтобы нам вместе сохранить жизнь и человеческую культуру.

На просторах Интернета можно обнаружить любопытное восьмиминутное видео. На нём записано, как очень сосредоточенная японка (Miyoko Shida) вначале держала в руке лёгкое белое перо. Затем она аккуратно пристроила это перо равновесно на длинную чуть кривоватую реечку, затем эту реечку уравнила на конце следующей, и так далее, неспешно усложняла сооружение, реечка за реечкой. А когда составилось десятка полтора реечек-загогулин, она поставила хитроумное сооружение себе на голову, и потом вместо своей головы изловчилась подставить вертикально ещё одну большую рейку, выше человеческого роста. И когда, наконец, артистка выскользнула из-под сохраняющего равновесие сооружения — то выдернула из него лёгкое перо. И вся конструкция рухнула. Этот номер представляется очень символичным. Вся наша культура, со стихийно выстраиваемыми взаимоотношениями — чрезвычайно хрупкая конструкция. Как мы до сих пор ещё её не обрушили — можно только диву даваться. Но, похоже, риск обрушения всё же нарастает. Подтверждением тому — хотя бы братоубийственная война на юго-востоке Украины. Украинская ночь нынче совсем не тиха. Там звучат не многоголосное пенье, а разрывы мин и залпы «Града». Чтобы минимизировать риски, чтобы противостоять дикости, клацанью зубов, беганью на четвереньках — нужно совместными усилиями гуманитариев выявить и чётко описать «гравитационные», «термодинамические», духовно-культурные законы, по которым живёт человеческое сообщество. И насколько можно понимать, в этих законах ведущими терминами и смыслами будут не *энергия, поле, пространство, материя*, а *СВОБОДА, РАЗУМ, СОВЕСТЬ*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев В. А.* Введение в потрясающую психологию // Журнал практического психолога. 1999. № 7–8. С. 41–71.
2. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа, тело. — СПб.: тип. газ. «На страже Родины», 1995. 112 с.
3. *Великие мысли, кратко реченные.* СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2003. 575 с.
4. *Власов А. Д.* Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа). М.: МИФИ, 1997. 539 с.
5. *Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука.* Дух, душа, тело. СПб.: тип. газ. «На страже Родины», 1995. 137.
6. *Ганди Махатма.* Моя жизнь. СПб.: Азбука, 2013. 477 с.
7. *Григорьев А.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 410 с.
8. *Зимбули А. Е.* Нравственное пространство культуротворческой школы // Проблемы поликультурного образования: государство и школа: Материалы XI международной конференции «Ребёнок в современном мире. Государство и дети». СПб.: СПбГПУ, 2004. С. 226–244.
9. *Корнеев П. В.* Ценность жизни и философская концепция испытаний // Человек — Философия — Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса: В 7 т. Т. 6. Философия культуры. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 291–293.
10. *Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики.* М.: Мир, 1995. 335 с.
11. *Лихачёв Д. С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 517 с.
12. *Николай Сербский (Велимирович).* — СЛОВО О ЗАКОНЕ (НОМОЛОГИЯ). М.: Изд-во Братства святителя Алексия; Изд-во «Феофания». 124 с.

13. Панибратов В. Н. Закон и муза: Избранное (Философия. Поэтика. Поэзия). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 399 с.
14. Паскаль. Мысли. М.: «REFL- book», 1994. 523 с.
15. Полное собрание законов Мерфи. Мн.: Попурри, 2006. 603 с.
16. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 605 с.
17. Сидоренко Е. А. Закон // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 34–36.
18. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика. М.: Наука, 1990. 416 с.
19. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 573 с.
20. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
21. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. 512 с.
22. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 281 с.

Т. С. Злотникова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДАЧИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В КУЛЬТУРОСООБРАЗНОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ¹

Методология культурологического знания (во всем его многообразии и многоаспектности) и методология подачи научных знаний в современном учебном процессе детерминирует формирование культурсообразности самого этого процесса. Это значит, что культурологическая доминанта познания теорий и артефактов нуждается в последовательном преломлении ее содержательных оснований через гомоцентрически организованную коммуникацию, учитывающую сложность, подчас болезненность приобщения студентов к новым интеллектуальным сферам. Отсюда — наше утверждение особого значения, которое придается органическому сочетанию методологической и психоэмоциональной специфичности работы со студентами в учебном процессе. Мы полагаем, что этот процесс только в силу такой, специально сформированной бинарности может быть культурсообразным и потому успешным.

Таким образом, идея нашей работы *применительно к методологии* состоит в возможности и необходимости сориентировать начинающих культурологов на научную проблематику бинарности, характеризующей культурные процессы и явления, сформировать у молодежи умение выявлять и постигать специфику бинарных оппозиций как основания трансформаций национального культурного опыта. В то же время наша идея *применительно к психоэмоциональной сфере* состоит в необходимости формировать «не скучный», непосредственно-личный способ включения молодежи в процесс получения культурологических знаний, для чего развивать оригинальные принципы профессионально-ориентированной коммуникации. Не часто осуществляемое в нашей научной практике соединение методологических и инструментальных аспектов образовательной деятельности также — что особенно важно с нашей точки зрения — носит характер бинарно ориентированного подхода, который и будет далее продемонстрирован в связи с конкретной образовательной деятельностью автора.

Методологическое обеспечение подачи научных знаний в работе с будущими культурологами нам представляется успешным при условии реального присутствия бинар-

¹ Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833.